

Святослав Логинов

Яблочко от яблоньки

*Часть сборника
Мёд жизни (сборник)*

Святослав Логинов
Яблочко от яблоньки

«Автор»

1996

Логинов С. В.

Яблочко от яблоньки / С. В. Логинов — «Автор», 1996

«– А что, дорога вполне приличная, – произнёс Путило, резко крутанув руль. Автомобиль накренился и начал заваливаться в колею, густо наполненную серой жижей, больше всего напоминающей шламовые отстойники абразивного завода. Ефим Круглов судорожно ухватился за ручку дверцы, словно собираясь выпрыгивать сквозь ремни безопасности, но машина всего лишь ухнула в колдобину и, натужно взрёмывая, принялась расплёскивать тракторного замеса грязь. Струйки глинистой суспензии стекали по заднему стеклу, превратив мир в серый абстрактный витраж...»

© Логинов С. В., 1996

© Автор, 1996

Святослав Логинов

Яблочко от яблоньки

*Яблока сырые приятны вредительны суть телу паче всех овощей.
Вертоград прохладный.*

– А что, дорога вполне приличная, – произнёс Путило, резко крутанув руль.

Автомобиль накренился и начал заваливаться в колею, густо наполненную серой жижей, больше всего напоминающей шламовые отстойники абразивного завода. Ефим Круглов судорожно ухватился за ручку дверцы, словно собираясь выпрыгивать сквозь ремни безопасности, но машина всего лишь ухнула в колдобину и, натужно взрёмывая, принялась расплёскивать тракторного замеса грязь. Струйки глинистой суспензии стекали по заднему стеклу, превратив мир в серый абстрактный витраж. Сквозь лобовое, почти чистое стекло Круглов видел грязевые разливы: глубокие, податливые и цепкие. Самый их облик однозначно предсказывал, что случится через минуту: звук мотора изменится, колёса забуксуют, не находя опоры в полужидкой среде. С минуту Путило помучается, переключая скорости и пытаясь раскатать завязшую «Ниву», потом щёлкнет дверцей и скажет:

– Приехали. Придётся тебе меня подтолкнуть.

Ефим опустил взгляд на свои ноги. Три часа назад, в городе он опрометчиво полагал, что надел резиновые сапоги. Теперь стало ясно, что по здешним меркам его обувь в лучшем случае может сойти за тапочки. Голенища сапожек едва доставали до щиколоток, и, значит, лучше было сразу снимать их и шагать в холодную октябрьскую грязь босиком.

Круглов осторожно, выискивая ногой опору, ступил в грязь и сразу же провалился выше сапог. Казавшаяся густой каша мгновенно хлынула внутрь. Загустевшая в глубине масса покорно раздалась под ногами. Ефим попытался сохранить равновесие, немедленно черпанул вторым сапожком и, не удержавшись, плавно, как в замедленном фильме, повалился на бок. В самый миг падения отчётливо представилось жуткое бурое пятно в полплаща и вспомнилось красивое слово: «бежевый». Больше плащу бежевым не быть.

Он ещё старался вскочить быстрее, как будто грязь может не успеть прилипнуть к чистой ткани, но ноги, так и не встретив опоры, проскользили в разные стороны, и он снова упал, на этот раз на живот, до локтей погрузив оба рукава в пованивающее навозом и соляркой месиво.

«Гнила, – мелькнула неуместная мысль. – Деревенские называют глину гнилой».

После этого его опять повалило на сторону, и он понял, что тонет.

«Нива», смердя сиреневым выхлопом и швыряясь из-под колёс грязью, медленно уплывала по разбитой дороге.

– Сергей Лукич! – крикнул он, уже зная, что машина не остановится. – Путило! Помоги!.. Сто-ой!!

Шматок грязи хлётко залепил в лицо, мгновенно ослепив и наполнив открытый рот пресной горечью разведённого глинозёма. С натугой Круглов выдрал наружу одну руку, но лишь сильнее замазал глаза. Когда он проморгался, легковушки уже не было, а успокоившаяся колея плотно зажала ноги и туловище, словно не земля была вокруг, а мгновенно твердеющий алебастр. И не за что было схватиться, чтобы вытащить себя, и не оставалось сил держать запрокинутую голову над поверхностью жижи, терпеливо ждущей, чтобы засосать и уложить его на дно колеи под гусеницы запоздалому трактору.

Почему-то даже сейчас он не мог заставить себя крикнуть: «Спасите!» Стыдно было, что ли? Он набрал воздуха, сколько вошло в сдавленную грудь, и попытался звать на помощь, но сумел издать лишь сиплый писк. Зато липучка, в которой он барахтался, словно проснулась и потянула его вниз. Ефим хлебнул холодной грязи, забился, понимая, что топит себя окончательно, и, булькая, закричал:

– А-а-а!..

– Ты чего? – спросил Путило.

Круглов попытался вскочить, но ремни удержали, заставив вновь откинуться на сиденье.

– Приснилось, – выдавил он.

– Бывает, – согласился Путило. – Здесь в два счёта может укачать. Но, заметь, дорога отличная. Сверху жижа, а внизу плотный грунт. Тут прежде тракт проходил, так до сих пор путь держится.

– Понял, – сказал Круглов, вытирая лицо. На зубах скрипело, во рту был вкус глины.

– А вот и деревня, – сообщил Путило. – Называется Горки. Хотели её переименовать, чтобы не путали, да руки не дошли. Так и осталось Горки.

Букву «г» Путило произносил мягко, на хохляцкий манер, так что получалось «Хорки». «Хорки, так Хорки, – подумал Ефим. – Главное, чтобы сухо было».

– Нам ещё версты полторы, – сказал Путило. – Склады там.

– Чего так далеко?

– Укрепрайон. Где немцы доты строили, там и склады.

Автомобиль наконец доплыл к первым домам. Здесь Путило не рисковал опрокидывать «Ниву» в переполненные колдобины, он слишком хорошо знал, как деревенские бутят ямы под окнами битой стеклотарой и прочими составляющими культурного слоя. Путило старался держаться тропки, протоптанной вдоль палисадничков, огороженных пряслами в одну жидкую жердинку. Обвислые розетки счерневших от мороза георгинов уныло размазывали грязь на дверцах раскачивающейся машины. Пару раз автомобильный бок шкрябнул по жердям, кажется, даже сломал одну, но и после этого в деревне ничто не проснулось, она оставалась такой же молчаливой, серой и придавленной к земле, как и молчаливое, серое, придавленное к земле небо над ней.

Деревня была длинная, всяко дело больше километра, а домов Ефим насчитал десятка два. Между одинокими постройками, словно провалы в хорошо прореженной челюсти, пустели заросшие бурьяном фундаменты, кучи деревянной трухи, угля. Казалось, здесь много лет кряду не утихала война и теперь уцелевшие людишки нарочно живут победнее, зная, что всё равно налетят и ограбят. Не одни, так другие. Так что не стоит и наживать.

Возле одного дома у калитки Круглов заметил человеческую фигуру. Существо, кажется, женского пола и очень неопределённого возраста, сухо смотрело на телепаяющийся в грязи экипаж. На существе была затёртая, пыльного цвета телогрейка, из-под которой свисал выцветший подол подозрительного покроя, а уж из-под него торчали преогромнейшие кирзовые сапоги. То был не человек даже, а как бы природное явление, такое же вечное и обязательное, как заросли пожухлой лебеды или покосившийся столб, неведомо кем и когда вкопанный в стороне от дороги. Мимо сквозили века, народы, завоеватели какие-то, а существо стояло, опершись о плетень, строго глядя на разболтанную колею и не видя, кого несёт по этой колее мимо тихой деревни Хорки.

Оккупанты прыгивали с танковой брони и храпящих степных лошадей, бежали по избам, волокли кур, граммофоны и голосащих девок, с отяжкой рубили кривым булатом непокорных, жгли дома и сараюшки, но не обращали внимания ни на бурьян, ни на кривоватый столб, ни на безликую кирзовую фигуру. А зря, потому что проходило малое время, и следа не оставалось от захватчиков, самая память о них истиралась, а бурые стебли, подгнивший столб и согнутая фигура продолжали стоять.

Щёлкнув дверцей «Опеля», Ефим выскочил наружу. Настроение у него было прекрасное. Да и в самом деле, чего опасаться? – глубокий тыл, земля, можно сказать, своя. Смешная деревня, забавные люди, осень, яблоки... Хорошо! Автомат остался висеть на плече дулом вниз: всё кругом зер гут, яблоки не стреляют. Пропечатывая на скользких размывах глины

рубчатые шрамы следов, Ефим приблизился к стоящему у плетня существу. Сдвинув на затылок пилотку, оглядел аборигена. Пожалуй, это всё-таки женщина. Затем спросил:

– Шпрехен зи дойч?

– Ich verstehe nicht, – непонятно ответило существо, глядя насквозь прозрачными выцветшими глазами.

Ефим недоумённо пожал плечами, чётко, словно на плацу, развернулся. О чём говорить, с кем не о чем говорить? Нога, уютно упрятанная в сапог, проскользнула, словно под каблук попал небрежно брошенный огрызок яблока. Ефим изогнулся, стараясь удержаться растопыренными руками за воздух. Брошенный шмайсер ударил дулом в поясницу, и Ефим всем телом грохнулся на дорогу, смертельно скользкую, но всё ещё твёрдую под тонким слоем жижи.

Коротко в три толчка ударила очередь.

«Совсем не больно... – успел удивиться Ефим. – Сейчас...»

– Опять что-то приснилось? – вопросительно произнёс Путило. – Здоров ты спать.

– Недосып, – севшим голосом выговорил Ефим. – Сессия. Экзамены сдавал.

– Какие же экзамены в сентябре? – недоверчиво поинтересовался Путило. – Сессия вроде весной бывает и зимой.

– Так получилось, – уклончиво ответил Круглов.

– Ага, – согласился Путило. – А что сдавал?

– Помологию. Профессор Рытов – зверь. Душу вынимает.

– Ага, – повторил Путило, не отрывая взгляда от дороги.

«Нива», натужно завывая, ползла в гору. Деревня уже осталась позади, дорога оврагом вгрызалась в холм или, может быть, изначально была проложена по впадине. Время от времени по сторонам над обрывами являлись невысокие деревья, корячившие пустые ветви в провисшее небо.

– Яблони, – сказал Путило, мотнув головой. – Раньше тут сплошняком сады росли, торговля шла крупная, на ярмарке плодоводства в девятьсот одиннадцатом году отдельный павильон был – «Псковские яблоки», в Берлине – фирменный магазин, не помню чей. Потом, конечно, всё хизнуло, повалилось, при Хрущёве яблони порубили – ничего не осталось.

– Как это ничего? Откуда тогда склады?

– Ну, кое-что, конечно, осталось. В основном – по заброшенным деревьям, где рубить было некому. Работаем помаленьку, но фирменного магазина на Seestrasse мне ещё долго не открыть.

– Ого! Ты глянь, Сергей Лукич! – перебил Круглов.

Влево от дороги, где холм приминался пологой ложбинкой, неприкрыто распласталось серое военное сооружение. На десяток метров в окружности земля была заменена замшелым от старости цементом. Его грубая фактура, выветренная и потемневшая, казалась камнем, искони росшим тут, забытым рассеянным ледником в далёкий мамонтовый период. Но сквозь эту твердь, в свою очередь, пробивалось иное творение чужеземных рук: стальной колпак неведомой толщины, столь мощный, что даже ржавчина не осмеливалась пятнать его. Раскосая прорезь амбразуры сторожила танкоопасное направление, неприязненно глядя на гражданский экипаж, вздумавший прошмыгнуть мимо.

– Это и есть укрепрайон? – с тихим восторгом спросил Ефим.

– Он самый.

– А где вход?

– Нам к нему ещё пилить и пилить. Он на той стороне холма, за бугром.

– Не слабо сказано, – оценил фразу Ефим.

Легковушка перевалила водораздел и юзом сползла вниз, где в сторону от дороги отходила ещё одна раздолбанная колея. С виду она была точь-в-точь как та, по которой они только

что плыли, но, видимо, качество этой хляби было иным, потому что Путило вывел машину на обочину и заглушил мотор.

– Дальше – ножками, – произнёс он, распахивая дверцу. – Дальше только трактор пройдёт.

Вход в бункер открылся неожиданно: путники обогнули отрог холма и увидели, что часть склона словно срезана долой и на этом месте темнеет заложенная кирпичом арка. Когда-то, должно быть, она была замаскирована и страшна гордой неприступностью, но сейчас, выставив напоказ обшарпанное уродство, сооружение походило на брошенный за ненадобностью туннель, а никак не на крепость минувшей войны. Расколотые остатки бетонных тюфяков, некогда прикрывавших горжевую часть, теперь были свалены вниз и густо зеленели лишайником.

– Ну как? – спросил Путило, опуская тяжёлый рюкзак на треснувшую плиту.

– Впечатляет, – согласился Круглов. – А что, тут никого нет?

– Да уж, – с неожиданной злобой произнёс Путило. – Был тут у меня один – сторож. И смотал. Объект бросил, даже вот смены не дождался. Хрена он у меня получит солёного, а не зарплату. Почему, думаешь, тебя сюда так спешно везти пришлось? Тут яблок лежит немерено и оборудование завезено. А охраны – никакой. Всё для добрых людей. Во, гляди!

Путило подошёл к двустворчатой железной двери, украшавшей центр кирпичной кладки, пошарил под порогом и вытащил ключ. Тяжёлый амбарный замок со скрипом распался, открывая проход.

– Это тоже немецкое? – с сомнением спросил Круглов, кивнув на сварную дверь.

– Не, это потом. Тут всё было замуровано году в пятидесятом, чтобы не шастали кто ни попадя. Мы только проход пробрили и дверь навесили. Ну и, конечно, вычистили оттуда гору дерьма.

Ворота завизжали на петлях и открыли вторую дверь из плотных деревянных плах.

– Это уже для тепла, – пояснил Путило, снимая крошечный контрольный замочек.

Жёлтые лампы под потолком осветили уходящую в глубь горы штольню. Она была широка, больше трёх метров в свету, как говорят строители, и до половины заставлена заколоченными ящиками. Сделанные по трафарету надписи навевали мысли о чём-то техническом.

– Оборудование, – предупредил вопрос Путило. – Консервный цех, мармеладное производство... и всё стоит без дела, распутица строить не позволяет. А яблоки – в рокадной галерее и казематах. Там глубина метров двенадцать, температура всегда комфортная, ни мороз там не страшен, ни жара.

– А боевая линия? – щегольнул знаниями Ефим.

– Это далеко. К тому же там постройки котлованного типа, они для фруктохранилища хуже приспособлены, – видно было, что Сергей Лукич отлично изучил своё хозяйство и разговор поддержать может. – Там до сих пор пусто, только один из орудийных дотов оборудовали тебе под жильё.

– А почему не наблюдательный пункт? Он сторожу больше подходит.

– Да, конечно. Ты как-нибудь туда сходи, полюбопытствуй. А понравится, так и переезжай.

– Разрушен? – догадался Круглов.

– Не, что ты. Просто там потолки семьдесят сантиметров высотой. Очень удобно.

Они спустились вниз, засветив следующую цепочку сиротливо болтающихся лампочек. Проходы здесь были не так широки, но всё равно почудилось, будто стены раздвинулись и вольный простордохнул в лицо.

Пахло яблоками. Сладостный винно-пряный аромат в недвижимом воздухе, казалось, стоял стеной, тонкие оттенки запаха слились, дух был так силён, что уже не имел отношения к чему-то съедобному – пахло как на кинофабрике: эссенциями и растворителями. Флюиды

пропитывали старый бетон, возвращая ему призрак жизни, душистая сытость висела в воздухе, дыхание участилось, кровь прилила к щекам, жар охватил пальцы рук.

– Ишь, как сладко, – пробормотал Путило. – Вентиляцию надо включить, а то как бы не заткнулись.

Он повернул рубильник. Где-то наверху заворчал вентилятор.

Яблоки были повсюду. Поддоны с розовкой наполняли галерею, ящики боровинки расписной в четыре ряда громоздились в тесных казематах, тускло зеленели грубой кожей рамбуры, желтела титовка, собранная в разорённых остатках некогда образцовой мызы господина Парамонова. Крошечные китайки, бруснички, сливки наполняли плетёные короба, очаровательная гвоздичная хорошавка алела в решётчатых барабанах. Болгарские щепные ящички, привычные к безвкусному джонатану, не могли вместить ребристые плоды снежного кальвиля – светло-жёлтые, лишь слегка затуманенные неярким румянцем, который, впрочем, берёт своё в глубине, так что на срезе яблоко заманчиво розовеет, исходя приятной кислотой. Стаканчатые гремушки королевского флейнера, бархатный анис, осенняя белая путивка, зимний золотой пармен, облитый багряными полосами черногуз... Артиллерийские погреба заполняла антоновка: жёлто-зелёная полуторафунтовка; каменичка – кислая, но стойкая в лёжке и неподобная пользой хворым и слабым; румяный сорт, носящий нелепое прозвание «серая антоновка». Но всего больше собралось в подземелье короля и чемпиона окрестных садов – неподобного, великолепнейшего штрифеля. Крупные четырёхдюймовые яблоки, с нежной кожицей, которую не смеет тронуть ни парша, ни загар; словно облитые растушёванным румянцем, с эффектно кинутыми пестринками более густого оттенка, и всё это радостное великолепие не режет глаз, а словно светится изнутри притягательным матовым светом. Нет чудесней яблока, и просто диву даёшься, как скучно называют его в деревнях: «обрез», «старостино», «осеннее полосатое». Нет, пусть уж будет дразнящее слово «штрифель», в котором слышится шорох осенней листвы и ожидание праздника.

Ефим взял одно яблоко, повертел в пальцах, понюхал. Даже в перенасыщенной ароматами атмосфере от яблока тонко и сладостно пахло. Пахло хорошим вином и жизнью.

– Той же яблочный дух, – медленно произнёс Ефим, – особна есть лечба тем, кои одержимы суть сухотною, тако же и тем, кои страждут меланколиевою болестию, понеже от того духу вредительное естество переминается.

Он осторожно вернул яблоко на место.

– Да ты ешь! – щедро предложил Путило. – Это коричное полосатое. Где ещё таких попробуешь?.. Кушай!

– Боязно что-то, – признался Ефим. – Смотри, сколько их тут. Appetit отбивает.

– Ну, как знаешь, – Путило выбрал яблоко покрупнее и хрустко вонзил в него зубы. – Сочное, – сообщил он.

В следующую секунду лицо его искривилось, он судорожно заперхал, стараясь сдержать кашель, но, не справившись, согнулся, надрывно закашлял, размахивая руками и ударяя себя в грудь. Разжёванные куски яблока веером полетели изо рта. Ефим, не зная, чем помочь, беспомощно суетился вокруг, что-то спрашивал, хлопал ладонью по спине.

– А... а... н-не-е... А-ак-х!.. – пытался выговорить Путило и снова бился в кашле, переходящем в хрип.

– Я сейчас... водички! – крикнул Ефим.

Он прогрохотал по пандусам и ступеням, влетел в скупо освещённый тамбур, где они оставили вещи, дёрнул «молнию» на сумке. Там должен быть термос, вместе с завтраком. Мать, когда собирала его в дорогу, приготовила завтрак. И термос с горячим чаем.

Под руку попало что-то круглое. О чёрт – яблоко! Где же термос? А, вот он!

С термосом в руках Ефим кинулся вниз. Там было тихо, и это пугало сильнее самых душераздирающих хрипов. Отчётливо представлялось бездыханное тело Сергея Лукича, его искажённое лицо в пятнах гематом от лопнувших вен. Что делать, как помочь?

Путило сидел на перевёрнутом ящике среди раскатившихся яблок и осторожно, боясь вызвать новый припадок кашля, втягивал в грудь воздух.

– Вот, – сказал Ефим, наливая в колпачок дымящийся чай. – Выпей.

Путило глотнул немного, кашлянул, словно на пробу, потом сипло произнёс:

– Сладкий. Зря... Я соком захлебнулся, в дыхательное горло сок попал. А он тоже сладкий – знаешь, как тяжело, если сладким захлебнуться? Я думал – не откашляюсь.

Путило допил чай, кашлянул ещё раз, окончательно освобождая грудь от едкого сока, поднялся и начал собирать раскатившиеся яблоки.

– Вот так живёшь, – сообщил он, – а потом скушал яблочко неосторожно – и конец. Пошли лучше, я тебе твоё хозяйство покажу.

По наклонной штольне они двинулись к боевой линии. По дороге Путило остановился возле одной из ниш.

– Тут вода, – сказал он. – Хорошая, вкусная.

Из заржавелой трубы в ванну беззвучно падала прозрачная струя. Путило наклонился, поймав воду губами, гулко глотнул. Ефим напрягся в нехорошем предчувствии, но всё обошлось. Тогда Ефим наклонился и тоже попробовал. Вода была очень холодная.

– Чего крана нет? – заметил Ефим. – Течёт без дела.

– Какой кран, чудик? Это же ключ. Его перекроешь, так он снизу всё к чертям собачьим размочит.

Ефим наклонился к пленному роднику и ещё отпил воды, от которой ломило зубы и начинало болеть где-то над глазами.

– Там ещё нортонский колодец был, – продолжал экскурсию Путило, – но местные колонку свинтили, считай, сразу после войны. Можно было бы восстановить, обсадная труба цела, но как туда штангу опустить – ума не приложу. Потолок мешает. – Путило стукнул кулаком по чёрным плахам обноски, уцелевшей в этом месте. – Ведь как строили, гады, а? Полста лет прошло, а всё цело, всё действует. Вот у кого поучиться... Хотя если вдуматься – на кой ляд они это мастерили? Чтобы я тут сегодня конверсией занимался? Сделали бы нормальный склад, куда как было бы лучше.

Минуя погреба, наполненные щедрым урожаем, они поднялись наверх и очутились в доте, возможно, том самом, что попался на глаза по дороге сюда. Тесный объём укрепления позволял разместить кровать с пружинной сеткой, шкафик, в котором хранился запас продуктов, и столик, вплотную придвинутый к кровати. На оружейной площадке стояла новенькая электрическая плита с духовкой.

Ефим выглянул наружу.

– Дот, да не тот, – сказал он после некоторого раздумья.

Пейзаж, открывшийся в бойнице, оказался незнакомым. Дороги видно не было, склон полого упирался в ржавое болотце. На середине склона корявилась старая яблоня. Поломанные сучья почти лишены листьев, вид у дерева был сиротливый. Станным казалось, как уцелело древнее растение, разве что действительно никто не атаковал неприступные доты в лоб, а обошли их и брали с горжи – другой, не так защищённой стороны. Но всё равно, крови в этих местах, должно быть, лилось преизрядно, потому и яблоня до сих пор жива. Яблоки, говорят, хорошо на крови рождаются.

На секунду Ефиму померещилось, будто в одном месте земля среди бурой опавшей листвы мазнута кармином. Ефим потряс головой – почудилось. А если и нет – мало ли что может краснеть под яблоней?

Он спрыгнул вниз. Путило деловито перегружал из своего мешка в шкафчик пакеты с провизией. Шкаф и без того был забит до половины. Что там есть, Круглов не знал, видел лишь жёлтые пачки «Геркулеса» да несколько картонных клеток с яйцами.

– А чего предыдущий сторож ушёл? – спросил Ефим. – Тут вроде хорошо. Тишина, воздух.

– А ляд его знает, – отмахнулся Путило. – Умом тронулся от воздуха. Позвонил, сказал, что ключ под дверью, а он здесь больше ни минуты не останется. Хоть дверь запер – и то хорошо.

– Понял! – сказал Круглов. – Это привидения. Где им ещё быть, как не тут? Забрёл мой предшественник куда-нибудь, где ещё свет не проведён, и наткнулся на светящийся скелет. В каске и с железным крестом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.